

И. В. ЛЕВИЧЕВ

Антропософия Рудольфа Штайнера в творческой судьбе Максимилиана Волошина

Жизнь — бесконечное познание,
Возьми свой посох и иди.
И я иду, и впереди — пустыня,
Ночь и звезд мерцанье...

М. Волошин

История антропософии в России началась задолго до организации в 1913 году Русского антропософского общества¹. Одними из первых русских учеников Рудольфа Штайнера, теми, кто непосредственно участвовал в становлении русского антропософского движения, были Максимилиан Волошин и Маргарита Сабашникова.

Как отметил однажды в частной беседе с автором этой статьи священник Общины Христиан г. Дитер Хорнемман (Германия), Волошин представляется его духовному взору не только Ангелом-хранителем Антропософии в России и Восточной Европе, но и чем-то много большим, поскольку через творчество и жизненный путь Волошина к антропософии приходит в настоящее время множество людей, «алчущих, жаждущих и томящихся по истине».

Но прежде чем осветить историю знакомства М. Волошина с антропософией, рассмотрим внешние и внутренние предпосылки и особенности духовной и интеллектуальной ситуации в России на рубеже XIX–XX веков, тот историко-культурный фон, который принято называть «умонастроением эпохи».

В конце XIX — начале XX века русская литературно-художественная интеллигенция переживала своеобразный «кризис сознания». Происходил возврат к идеализму, к религиозным и метафизическим ценностям, упраздненным позитивизмом и материализмом второй половины XIX века.

Этот период времени в России ознаменовался необычайным религиозно-философским подъемом, получившим название «русского духовного Ренессанса».

Казалось бы, в это время в обществе должен был бы наблюдаться всплеск интереса к традиционным религиозным ценностям право-

славия. Однако духовная ситуация в Русской православной церкви, находившейся в те годы в глубоком упадке, ее догматизм и нежелание идти на контакт с интеллигенцией, — что выразилось, например, в крахе Русского религиозно-философского общества², основанного как раз для того, чтобы найти контакт интеллигенции с церковью, — не только не сближал, но наоборот, отдалял обе стороны друг от друга.

Революционные научные открытия второй половины XIX века, сравнимые, по степени воздействия, с изменением картины мира второй половины XVI века, настоятельно требовали реформирования традиционных религиозно-мировоззренческих представлений о мире, о человеке, их взаимосвязи и взаимодействии. Не находя ответа на злободневные вопросы современности в традиционной религиозности, интеллект, лишенный опоры в духовной сфере, пытался осмыслить современность «исходя из самого себя», своей собственной природы и законов, что и привело к тотальной «ариманизации» мышления, позитивизму и материалистическому мировоззрению.

Засилье в Западной Европе во второй половине XIX века «позитивного знания», бездуховности материализма, отрицавшего не только существование духа, но даже наличие души у человека, не могло не вызвать ответной реакции, и прежде всего, — со стороны передовой интеллигенции.

Наиболее ярко эта реакция выразилась в явлении, распространившемся как в Западной Европе, особенно во Франции второй половины XIX века, так и в России, которое с недавних пор именуется «оккультным возрождением», подчеркивая, что философия оккультизма явилась главной составляющей этого сложного и интересного явления. Под этим термином обычно понимают необычайно интенсивный всплеск общественного интереса, главным образом в среде европейских интеллектуалов, к «синтезу науки, религии и философии», выразившему себя в теософском движении.

«Уже вполне общим местом, — писал Н. Богомолов, — стало представление о том, что возникновение европейского модернизма, особенно во Франции, не просто хронологически совпало с «оккультным возрождением», а в значительной степени было им определено. Интерес к самым разнообразным формам экстранаучного познания оказался чрезвычайно велик прежде всего во Франции, где авторитетные оккультисты были одновременно и незаурядными писателями. Любой самый поверхностный обзор тем и идей, господствовавших во французской литературе эпохи декаданса, непременно касается описаний оккультной практики, прямого переноса в художественное творчество эзотерических представлений...»³.

Общеизвестно, какое огромное влияние на становление русского поэтического символизма — главного литературного направления

в России рубежа веков — оказал символизм французский, привнесший на русскую почву также и интерес к оккультной философии.

Исследователи этого духовного возрождения, в частности Б. Вейдле, указывают на «близость поэтической мысли к религиозно-философской», что давало о себе знать на всем русском культурном пространстве «от Мережковского и Вяч. Иванова до Андрея Белого и Александра Блока»⁴.

Кроме того, важным фактором, благоприятствующим распространению теософии в России, явилась и общая социально-политическая ситуация в стране.

После поражения революционных выступлений 1905 года и вынужденного объявления Николаем II ряда демократических свобод, таких как свобода слова, печати и общественных объединений, в России сложились все условия для легального функционирования организаций, интересы которых были направлены к «духовному знанию»: появляется множество масонских лож, правительство регистрирует Русское теософское общество... Появляется также и возможность наладить издательскую деятельность после отмены духовной цензуры Православной церкви — в России наблюдается целый бум на оккультно-теософские издания.

Таким образом, в конце XIX — начале XX века в России периода «духовного ренессанса» сложились благоприятные условия для широкого распространения эзотерических учений, обусловленные, с одной стороны, спецификой и умонастроениями литературно-художественной интеллигенции, главным образом в среде поэтов-символистов, и с другой — особенностями социально-политической обстановки в стране, благоприятной для свободного обмена информацией в условиях проведения царским правительством целого ряда демократических реформ.

Личное знакомство и общение Максимилиана Волошина с Рудольфом Штайнером оказало огромное влияние на мировоззрение и творчество поэта, и впоследствии Волошин отметил, что Штайнеру он был «обязан более чем кому-либо из людей познанием самого себя». История же его знакомства с Антропософией и Рудольфом Штайнером такова.

В 1905 году, благодаря посредничеству Анны Рудольфовны Минцловой, видной деятельницы русского теософского движения, Максимилиан Волошин и Маргарита Сабашникова знакомятся с Рудольфом Штайнером, являвшимся тогда председателем Немецкой секции Теософского общества.

Фигура Анны Минцловой (ее эзотерическое имя было «Анна-Rudolf»), оказавшей значительное влияние на многих деятелей русской культуры начала XX века, остается во многом загадочной и сейчас, спустя почти сто лет со времени ее появления на горизонте русской

литературно-художественной жизни. В становлении русского антропософского движения значение Минцловой было столь велико, что на этом мы остановимся подробнее.

«Это была выдающаяся личность, — вспоминала о ней А. Тургенева, — высокообразованная, пламенно заботящаяся о будущем Европы, — прежде всего, полная тревоги в связи с опасностями, грозящими России. Одаренная мощным ясновидением...»⁵, она считала своей миссией основать эзотерический центр, который мог бы противостоять надвигающимся бедствиям. Большие оккультные познания и интересные сочинения и медитации укрепляли ее влияние.

Минцлова познакомилась со Штайнером в начале июня 1905 года в Берлине и с восторгом сообщала в письме к Марии фон Сиверс впечатления от прослушанной лекции: «Доктор Штайнер своей чудной речью дает и открывает так много и за его словами чувствуется такое море тайны, такие бездонные глубины освещаются, на мгновение, что у меня все время было чувство как-бы головокружения, очень странного и никогда прежде не испытанного мною. Его слова точно будят какие-то силы, дремлющие в душе... Какое счастье для земли, что Д-р Штайнер существует!»⁶.

Близко познакомившись с Рудольфом Штайнером, Минцлова, обладая определенными качествами, прошла под его руководством интенсивную духовную подготовку. «Он [Штайнер] занимается со мной, — сообщала Минцлова Сабашниковой, — по полчаса в день». Одаренная большими ясновидческими задатками, она поражала окружающих своим быстрым развитием «Штайнер говорит, — писала Минцлова Сабашниковой, — что в Европе он не видит никого с такими громадными силами как у меня, и у меня так быстро идет развитие, как это бывает через годы, только после усиленных занятий. У меня в 2 недели все это явилось...»⁷.

После того, как она была достаточным образом подготовлена и развита, не нуждаясь больше в водительстве Доктора для того, чтобы непосредственно общаться с духовными силами, на нее была возложена особая миссия...

Минцлова едет в Россию, надеясь продолжить там работу по организации центра российского розенкрейцерства, однако по ряду причин эта ее духовная миссия так и осталась неисполненной, и в конце августа 1910 года она таинственно «исчезает» из поля зрения современников...

В конце лета 1905 года Минцлова увлекает Маргариту Сабашникову, оказавшуюся тогда в Цюрихе, на лекцию Р. Штайнера «о путях познания духовного мира».

«В тот же день, — вспоминала Сабашникова, — я получила сумбурное письмо от Минцловой. Она сообщала, что доктор Штайнер, председатель Германской секции Теософского общества, будет выступать в Цюрихе.

Она не хочет влиять на мое решение послушать его и не дает мне никаких советов, но если меня это интересует...»⁸.

Решение «послушать» Штайнера стало, поистине, судьбоносным, оно радикально изменило всю последующую жизнь Сабашниковой. Будучи потрясенной услышанным, она написала Волошину: «Макс, Макс, я так ужасно счастлива, что мне хочется плакать. Я, наконец, нашла его. Как я долго ждала... моего учителя»⁹.

«Он [Штайнер], — вспоминала Сабашникова, — говорил, что человек в нашу эпоху может прийти к восприятию реальности духовного мира, не приглушая сознания... Я впервые слышала о соответствующем нашей эпохе пути познания высших миров. Я видела совсем близко профиль Рудольфа Штайнера, слышала его теплый воодушевленный голос и каждое его слово воспринимала как радостную весть. Неужели действительно в наше время возможен такой человек — истинно знающий, подлинный вестник духа?.. Услыхав это, я поняла, что нашла то, чего искала; новый, сознательный, свободный путь к живому Христу»¹⁰.

С этого момента для Маргариты Васильевны все радикально изменилось: она решила связать свою жизнь с духовным познанием под руководством Рудольфа Штайнера. Сабашникова стала одной из первых русских учениц Доктора, всю дальнейшую жизнь посвятившую антропософской деятельности. Штайнером она была принята в «эзотерический» крут ближайших учеников (так называемый «зодиакальный круг»), получивших инициацию непосредственно из рук Учителя...

Получив множество писем от М. Сабашниковой, полных восторженного энтузиазма, Максимилиан Волошин заинтересовался Рудольфом Штайнером, и вот, осенью 1905 он специально едет в Берлин, чтобы своими глазами увидеть Доктора, и уже в начале ноября 1905 года попадает на одну из его публичных лекций.

В личности Штайнера, в ту первую их встречу, Волошина поразило, прежде всего, умение убедительно и доходчиво излагать теософские доктрины, в которых было множество специфически-восточных терминов и названий, не всегда вполне понятных слушателю, воспитанному на западноевропейских христианских ценностях, а также внешний облик и весьма выразительное лицо Доктора, производившее на многих действительно сильное впечатление.

«Более поразительного и гениального лица, чем у него, — писал Волошин А. Петровой, — я никогда не видел в жизни, и та история мира, которую он раскрыл в своем курсе, так поразительна и необычайна, что я не могу Вам дать в письме и намека»¹¹.

Позднее, в 1913 году, вспоминая о той огромной роли, которую сыграло знакомство со Штайнером и Антропософией, Волошин писал: «Вот о Штейнере... Я его впервые услышал в 1905 году. В словах его меня

прежде всего поразило то, что это было широкое обоснование и обобщение тем отдельным, мыслям, убеждениям, к которым я в то время сам пришел...»

Спустя некоторое время Волошин и лично познакомился со Штайнером, а после венчания с Маргаритой Сабашниковой в 1906 году, когда молодые супруги жили в Париже, их общение с Доктором стало продолжительным и частым. Более того, они старались познакомить своих русских друзей, гостивших у них в Париже, со Штайнером и его учением.

Достаточно вспомнить об их попытке знакомства Д. Мережковского, З. Гиппиус, Д. Философова и Н. Минского со Штайнером на их парижской квартире, о чем так подробно и ярко рассказала Сабашникова в своих воспоминаниях.

Под влиянием личного знакомства со Штайнером Волошин начинает серьезно изучать его книги, записи лекций и журнал «Люцифер-Гнозис» — первое антропософское периодическое издание. В мемориальной библиотеке М. Волошина в Коктебеле сохранилось несколько экземпляров этого уникального антропософского издания.

Итак, 1905 год стал поистине эпохальным в жизни Максимилиана Волошина. Весной 1906 года, в письме к А. Петровой, он так определил роль и значение знакомства с Рудольфом Штайнером: «Для меня этот год был страшно важным... Для меня открылся целый мир совершенно нового знания и нового миропонимания, новой морали. Я думаю, что я только Вам впоследствии смогу рассказать все мистерии, через которые я прошел. Я это слово употребляю не в смысле обрядов и ритуала, а тех необычайных обстоятельств жизни, через которые меня последовательно провела судьба.

В моей жизни появился еще один человек, с которым мне бы страшно хотелось познакомить Вас... *Это Анна Рудольфовна Минцлова.* <...> *Она меня ввела во многие области тайного знания и познакомила меня с самым гениальным из современных европейских оккультистов, профессором Штейнером* (курсив мой. — И. Л.). Он меня пригласил слушать свой курс, читанный им в Берлине только для нескольких человек, в числе которых была и Маргарита Васильевна [Сабашникова].

В мае Штейнер должен приехать в Париж читать курс о «грядущей революции» — он хочет читать главным образом для русских... *Это грандиозный синтез точного знания с боговдохновенностью* (курсив мой. — И. Л.)»¹².

Очевидно, что основные идеи антропософии не могли не оказать влияния на творчество поэта. Впервые мы встречаемся с антропософскими мотивами в творчестве Волошина в стихотворном цикле «Звезда Полынь» (1906–1909).

В последовательности стихотворений «Сатурн», «Солнце» и «Луна» нельзя не увидеть поэтического отражения основных идей антропософского космогенезиса, а стихотворение «Кровь» прямо навеяно лекцией Штайнера «Кровь — сок совершенно особого рода». Кроме того, в поэтическом цикле Волошина «Руанский собор» (1907), посвященном А. Р. Минцловой, в прозаическом фрагменте «Крестный путь», прямо излагаются «семь ступеней христианского посвящения», трактовку которых мы часто встречаем во многих циклах лекций Доктора, особенно в мюнхенском цикле 1907 года.

Поэтому представляется вполне закономерным, что с организацией в 1913 году Русского антропософического общества, Волошин одним из первых вступает в него, обратившись за рекомендацией непосредственно к Т. Трапезникову, который и поручился за Волошина.

В 1914 году, буквально за один день до начала Первой мировой войны, Волошин по приглашению М. Сабашниковой приехал в Дорнах, чтобы принять участие в строительстве первого Гетеанума.

«Эта работа, — вспоминал поэт, — высокая и дружная, бок о бок с представителями враждующих наций, в нескольких километрах от поля первых битв европейской войны, была прекрасной и трудной школой человеческого и внеполитического отношения к войне»¹³.

В то время как Европа была охвачена разрушительным пламенем войны, Волошин со своими единомышленниками созидал и творил, рубя барельефы для архитравов «Зала Мистерий» в Гетеануме и интенсивно занимаясь живописью.

«Начали работу над архитравом, — записал Волошин в дневнике, — в малом куполе, начал заниматься немецким с фрейлейн Ханной, и так мало времени, что некогда ни писать, ни рисовать. Проходя после обеда по деревянным задворкам, читал газету. Кто-то остановил и взял из рук газету. Это был Доктор... Я спросил: «Не знаю, могу ли я у Вас попросить личные упражнения для меня». — «Я подумаю и скажу»...

Все свободное время рисую. Я только об живописи и думаю. Хотелось бы получить работу живописную. Мадам Перальт передала мои акварели Доктору...

Вчера наконец, имел разговор с Доктором. Сперва, когда мы встречались, он каждый раз говорил мне: «Я не забыл». То есть мою просьбу дать мне личные упражнения. Но он уезжал, я был болен — и время шло...

«Но теперь Вы меня позабыли?» — спросил я на последней лекции. — На днях...

Я надеялся, что будет Мария Яковлевна [Сиверс] переводчицей. Но ее не было дома. Мы говорили вдвоем — и все-таки я сумел своим калеченным немецким языком все сказать и все понять...

На вопрос о живописи:

«Я внимательно просмотрел Ваш альбом. В Ваших рисунках есть личность. Они не похожи на то, как теперь рисуют обыкновенно. Они сделаны не с натуры, а изнутри... Вам надо стараться углубить внутреннюю область видения. Писать из эфирного плана. От форм перейти к движению.

Теперь трудно что-нибудь сделать в поэзии и литературе (сказал он на мои слова об отходе от литературы и неотступности живописи). А в живописи можно сделать многое. Надо, чтоб форма рождалась из цвета. Посмотрите: синий — это жертва, это дар. Красный — насилие».

Затем он разрешил мне рисовать Бау и обещал дать эскиз»¹⁴.

Этот знаменитый «Дорнахский альбом» акварелей Волошина действительно сохранился в фондах Дома-музея М. А. Волошина. Он был впервые опубликован в 2005 году в художественном альбоме «Сокровища Дома Волошина». Также там опубликован и один из дорнахских эскизов для большого занавеса «Зала Мистерий» первого Гетеанума, хранящийся в собрании музея, работу над которым Рудольф Штайнер лично поручил Волошину.

В период строительства первого Гетеанума Максимилиан Волошин интенсивно занимался живописью, щедро даря свои акварели окружающим. Его работы пользовались большой популярностью.

«В Дорнахе, — писал Волошин Юлии Оболенской, — мои акварели имели большой успех и меня многие спрашивали, не продаю ли я их... Я сейчас же дарил спрашивавшему столько, сколько он хотел, и роздал не менее сотни этюдов»¹⁵.

Свои работы М. Волошин подарил М. Бауэру, Ван Дрей, О. Дубах, П. Калькрейт, Т. Киселевой, Г. Колпакчи, С. Штинде, И. Энглерту, Т. Рихтеру, Г. Линде...

В августе 1914 года Волошин посвятил Рудольфу Штайнеру стихотворение, являющееся одним из лучших образцов «медитативной» лирики поэта:

Снова
Мы встретились в безлюдьи. И как прежде,
Черт твоего лица
Различить не могу. Не осужденье,
Но пониманье
В твоих глазах.
Твое уединенье меня пугает.
Твое молчанье говорит во мне:
Ты никогда ни слова
Мне не сказал, но все мои вопросы
В присутствии твоём
Преображались
В ответы...

Ты встречный, ты иной,
Но иногда мне кажется,
Что ты —
Я сам.
Ты приходил в часы,
Когда отчаянье молчаньем просветлялось.
Тебя встречал я ночью, или
На закате... и ветер падал.
Ты живешь в пустынях,
Пути усталости вели всегда к тебе.
О, если б иначе тебя увидеть,
Если б ты пришел
В момент восторга,
Чтоб разглядеть я мог
Твое лицо.

В 1917 году Максимилиан Волошин окончательно возвратился из своих заграничных странствий в Коктебель, который уже надолго не покидал до самой своей смерти в 1932 году.

Особенно следует подчеркнуть важную роль Дома Поэта в истории русского антропософского движения в советское время. В период воинствующего безбожия и атеизма, дом Волошина продолжал хранить и активно излучать импульсы антропософской духовности, как при жизни поэта, так и после его смерти.

После запрета большевиками в 1923 году Русского антропософического общества, его дом становится нелегальным местом встреч и общения русских антропософов. Из воспоминаний О. Анненковой и Г. Киреевской мы знаем, что в 20-е годы прошлого века там часто проходили чтения и обсуждения лекций Штайнера, устраивались эвритмические представления, в которых, в частности, участвовала К. Васильева (Бугаева). На знакомстве с изданиями Р. Штайнера, как на иностранных языках, так и изданных до революции по-русски, выросло не одно поколение русских антропософов и в советское время. Дом Поэта, с его прекрасным собранием антропософской литературы, собранием уникальных документов и раритетов по истории международного антропософского движения, сумел сохранить антропософскую Традицию, восходящую к Рудольфу Штайнеру, и донести ее до наших дней.

Итак, антропософия Рудольфа Штайнера оказала существенное и основополагающее влияние на мировоззрение и творчество Максимилиана Волошина. И хотя самим поэтом 1900 год был назван «годом духовного рождения», мы имеем все основания утверждать, что подлинным годом духовного «рождения» Волошина стал год 1905-й, когда для него «открылся целый мир совершенно нового знания, нового миропонимания,

новой морали». Очевидно, что антропософия как Путь и как Учение не была для Волошина просто рассудочным «знанием» или мистическим «переживанием». Он шел по пути творческого претворения антропософии в своей жизни, путем синтеза и объединения противоположностей в самом себе. С этих позиций становятся понятными причины особой позиции поэта в годы Первой мировой войны, в период революции и Гражданской войны в России, вера в будущую мировую миссию России и славянской нации, отношение Волошина к общечеловеческим духовным ценностям, к религиям, вопросам пола, социума...

Учение Рудольфа Штайнера, безусловно, было актуальным в начале XX века, поскольку смогло ответить пытливым умам на злободневные вопросы жизни и времени, указать человеку его место во Вселенной, его связь с Духом и Путь познания Духа «внутри себя». Она обогатила мировоззрение Волошина, этику и эстетику поэта, а также во многом повлияла на своеобразие его поэтического и художественного космоса.

Антропософия стала той материнской почвой, на которой личность Максимилиана Волошина, подобно цветку Мистической Розы на Кресте, крепла и развивалась, питаясь ее живительными алыми соками, творчески претворяя антропософию в себе, одухотворяя себя, а значит, — внося свой вклад в одухотворение и спасение мира.

*Дом-музей М. Волошина,
Коктебель, 2004*

